

Валур Ингимундарсон¹ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ США И РОССИЕЙ.
РЕКОНФИГУРАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕМ

Смена парадигм и радикальные исторические сдвиги не обязательно подразумевают полное изменение содержания, чаще они представляют собой реорганизацию существующих элементов. При этом второстепенные характеристики предшествующего периода могут стать доминирующими, а преобладающие черты, напротив, отойти на второй план. Наглядным примером служат тенденции, проявленные в отношениях между США и СССР с 1970-х годов, периода разрядки международной напряженности, до первой половины 1980-х годов, для которой была характерна конфронтационная политика. Эти тенденции не отодвинули на задний план возобновление враждебных отношений между Востоком и Западом и не привели к окончанию холодной войны. И тем не менее даже в конфронтационном геополитическом климате влиятельные лица продолжали поддерживать политику ослабления напряженности. Более того, как подчеркивает историк Людмила Йорданова, наследуемые элементы предшествующих периодов (например, эпоха холодной войны) отягощены концептуальным, дискурсивным и эпистемологическим «багажом». Это наследие не только имеет историческую природу, но и характеризуется направленностью на настоящее, включает в себе не критические, естественные допущения и толкования в отношении обоих периодов². Таким образом, выход за устаревшие рамки толкования часто требует кардинальной переоценки событий прошлого.

Различные дискурсы периода холодной войны все еще оказывают влияние на современные геополитические реалии³. Несмотря на временной разрыв, в них

обнаруживаются следы прошлого, тесно связанные с настоящим. Отношения между США и Россией характеризуются временной неопределенностью, в условиях которой факторы изменяются и могут действовать в обоих направлениях. Когда начался политический кризис на Украине, в мире вновь актуализировались метафоры периода холодной войны, пронизанные, по терминологии Карла Шмитта, дихотомией «друг-враг»⁴. На уровне риторики исторические антизападные и антироссийские дискурсы начали перефразироваться и использоваться в различных вариациях. Очевидно, идеологический раскол не был обусловлен противоборством между коммунизмом и капитализмом. Скорее он напомнил о прошлых столкновениях систем ценностей, когда друг другу, помимо прочего, были противопоставлены, с одной стороны, характерные для России национализм и социальный консерватизм, а также евразийское видение идентичности, а с другой — демократический либерализм и мультикультурализм Запада. В это время на Западе в связи с ростом влияния популизма и ультралибералистической политики исключения были поставлены под сомнение существующие политические уклады.

Еще одной причиной подрыва доверия стали различия в восприятии расстановки сил, связанные с учетом последствий холодной войны. С одной стороны, Соединенные Штаты Америки не отказались от желания сохранить за собой роль мирового лидера. С другой стороны, Россия вновь поставила перед собой цель, которую преследовала во время холодной войны, — добиться стратегического равенства с США, даже используя несопоставимые политические и военные сред-

¹ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии (Рейкьявик), председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, научный сотрудник Королевского Объединенного института оборонных исследований в Лондоне, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика. 1945–2006», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет», «Исландский финансовый кризис: политика обвинения, протеста и реконструкции» (в соавт.) и др. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований». Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО.

² Jordanova L. *History in Practice*. L.: Hodder Arnold, 2006. P. 106.

³ Об окончании холодной войны см.: Gaddis J. L. *The United States and the End of the Cold War: Implications, Reconsiderations, Provocations*. N. Y.: Oxford University Press, 1992; Gendzier I. L. *Evidence and Interpretation: Against Historical Triumphalism* //

Global Dialogue. 2001. № 3 (4). P. 33–44; *Visions of the End of the Cold War in Europe, 1945–1990* / eds. F. Bozo, M.-P. Rey. N. Y.: Berghahn Books, 2012; *Gorbachev M. Memoirs*. N. Y.: Doubleday, 1996; *Zubok V. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007; *Kotkin S. Armageddon Averted: The Soviet Collapse 1970–2000*. N. Y.: Oxford University Press, 2001; *Matlock J. Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. N. Y.: Random House, 2004; *Reinterpreting the End of the Cold War: Issues, Reinterpretations, Periodizations* / eds. S. Pons, F. Romero. N. Y.; L.: Routledge, 2005; *Wilson J. G. The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War*. Ithaca: Cornell University Press, 2014; *Garthoff R. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington D. C.: The Brookings Institution, 1994; *Beschloss M., Talbot S. At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War*. Boston; Toronto; L.: Little, Brown and Company, 1993; *Lundestad G. Imperial Overstretch, Mikhail Gorbachev, and End of the Cold War* // *Cold War History*. 2000. № 1 (1). P. 1–20; *Kramer M. The Demise of the Soviet Bloc* // *The Journal of Modern History*. 2011. № 83 (4). P. 788–854.

⁴ Schmitt C. *The Concept of the Political*. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2007 [1932].

ства. Иными словами, образы конфликтов прошлого воскресли, ознаменовав возвращение политического конфликта¹. То есть «делка», заключенная после холодной войны, действовала недолго². Помимо культурных и политических разногласий общего характера, увеличению разрыва способствовали такие события, как расширение НАТО на восток, военное вторжение на территорию бывшей Югославии, война в Ираке, конфликт в Грузии, войны в Ливии, на Украине и в Сирии. Происходящее в Сирии, несомненно, ознаменовало возврат к характерному явлению периода холодной войны — «войне марионеток», в которой США и Россия придерживаются противоположных позиций, сходясь тем не менее во мнении о необходимости борьбы с ИГИЛ.

На вооружение был принят еще один инструмент времен холодной войны — экономическая блокада в виде санкций и контрсанкций. Кроме того, кризис на Украине повлек за собой усиление конфронтации и наращивание военной мощи в Восточной Европе, что потенциально может привести к дестабилизации обстановки в регионе. При этом Совет Безопасности ООН в определенных вопросах оказывается бессилем, как и в период холодной войны, о чем свидетельствует его беспомощность в урегулировании сирийского конфликта.

Тем не менее, перефразируя М. Бахтина, геополитический конфликт не слился целиком с великим повествованием и не стал полностью подконтролен сильным личностям³. Несмотря на ухудшение отношений между США и Россией, не произошло структурного раскола, страны сохранили механизмы сотрудничества в зонах совместных интересов. Смена власти в США заставила некоторых поверить в возможность второй, более успешной «перезагрузки» отношений России и США, даже несмотря на то что многие соратники-республиканцы и противники-демократы не согласны с пророссийской политической риторикой Дональда Трампа. Успех усилий по нормализации отношений между державами будет зависеть от доброй воли обеих сторон, поскольку каждая из них, вне всяких сомнений, столкнется с сопротивлением. Но это не означает, что параллельно с господствующими конфронтационными установками или вопреки им не могут существовать различные формы сотрудничества, как было в период холодной войны. Очевидным полем взаимодействия между Россией и США является борьба с ИГИЛ и терроризмом в целом. Еще одним способом вернуть доверие в отношениях между странами может стать разоружение. Традиционное восприятие холодной войны как масштабного столкновения, выраженного в расколе мира на два полюса — СССР и США, неизбежно ведет к преуменьшению значимости имевших место совместных усилий и многостороннего подхода.

¹ Schmitt C. Op. cit. P. 26–27.

² Cox M. Learning from history? From Soviet collapse to the new Cold War // Cold War History. 2014. № 14 (4). P. 461–485; Mandelbaum M. Mission Failure: America and the World in the Post-Cold War Era. N. Y.: Oxford University Press, 2016.

³ Bakhtin M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1984. P. 6–7.

В связи с этим возникает вопрос, не может ли ретроспективный взгляд на события того времени стать ключом к пониманию некоторых возможностей, заключенных в текущей геополитической ситуации. Несмотря на то что встречи лидеров США и СССР в 1980-х годах относят к последнему этапу холодной войны, эти переговоры в значительной мере способствовали сближению супердержав после долгих лет опасной напряженности в отношениях. Встречи глав государств как форма дипломатического участия, безусловно, стали положительным явлением. Они изменили политический дискурс в то время, когда громко звучали демонизирующие фразы: «Советский Союз — империя зла» или «США готовятся развязать ядерную войну». Более того, эти встречи открыли для СССР и США новые каналы взаимодействия в различных сферах, в первую очередь в культурной и научной. Впервые советские и американские обозреватели стали регулярно появляться в телевизионных программах, выходящих в эфир в обеих странах. Это был огромный шаг вперед по сравнению с началом холодной войны, когда не существовало взаимодействия на высоком уровне между сильнейшими державами мира. Не следует забывать, что с 1947 по 1955 год между главами Соединенных Штатов Америки и Советского Союза не состоялась ни одной встречи⁴.

Хотя переговоры на высшем уровне могут пройти неудачно (например, парижский саммит после уничтожения самолета-разведчика U-2 в 1960 г.), однако они могут способствовать серьезному улучшению политической обстановки (например, визит американского президента Ричарда Никсона в Китай в 1971 г.), служить площадкой для обсуждения революционных идей (саммит в Рейкьявике 1986 г.) или подписания значимых соглашений (заключение Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД) в Вашингтоне в 1987 г.)⁵. Согласно общепринятому мнению, переговоры в Рейкьявике в 1986 году стали грандиозным провалом, но при этом дали возможность высказать революционные идеи, в том числе о ликвидации ядерного оружия. Был ли у участников малейший шанс воплотить эти идеи в жизнь — другой вопрос.

Всех волновали фактуальные и контрфактуальные вопросы. Как объяснить перемены в отношении Рональда Рейгана к ядерному оружию? Во время первого срока президентства он выступал за масштабное на-

⁴ По мнению А. Стефансона, причиной послужило то, что США не воспринимали СССР как серьезного оппонента на международной политической арене. Администрации Трумэна и первое время Эйзенхауэра действительно не изъявляли желания встречаться с руководителями СССР. Но действовали и ответные меры, в частности установление социалистического строя в Восточной Европе (Stephanson A. The Cold War considered as an American Project // Reinterpreting the End of the Cold War: Issues, Reinterpretations, Periodizations / eds. S. Pons, F. Romero. N. Y.; L.: Routledge, 2005. P. 52–67).

⁵ The Last Superpower Summits: Gorbachev, Reagan, and Bush. Conversations that Ended the Cold War / eds. S. Savranskaya, T. S. Blanton. Budapest; N. Y.: Central European University Press, 2016; Schultz G. P. Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1993; Matlock J. F. Op. cit.; Adelman K. Reagan at Reykjavik: Forty-Eight Hours that Ended the Cold War. N. Y.: HarperCollins Publishers, 2014; Nitze P., Smith A. M., Rearden S. L. From Hiroshima to Glasnost: At the Center of Decision — A Memoir. N. Y.: Grove Weidenfeld, 1989.

ращивание военной силы в мирное время, а во время второго отдавал предпочтение политике контроля над вооружением. В какой степени планы Михаила Горбачева по ограничению вооружений были продиктованы необходимостью спасти пораженную кризисом систему с помощью внутренних средств? Что произошло бы, если бы ликвидация ядерного оружия состоялась? Каким мир был бы сегодня? Скептиков, разумеется, было достаточно и тогда. Их можно было встретить не только среди сторонников жесткой политики в правительствах США и СССР, но и среди союзников Соединенных Штатов, задетых тем, что их даже не спросили, благоразумно ли обсуждать столь радикальные идеи во время саммита. По крайней мере Франция в 1986 году не высказала желаний, как и сегодня, отказать от своих сил ядерного сдерживания — так называемых «ударных сил» (*force de frappe*). Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер считала, что бессмысленно притворяться, что уже изобретенного (например, ядерного оружия) не существует. Она была удовлетворена провалом саммита и (оставаясь верной духу антиревизионизма или склонности к перекраиванию истории — в зависимости от точки зрения) сумела практически полностью обойти эту тему в своих мемуарах¹.

Кто-то, напротив, станет превозносить прогрессивный дух отношений между США и Советским Союзом и революционные идеи, обсуждавшиеся тридцать лет назад. Однако не следует, ностальгируя, приукрашивать конец 1980-х годов. Политическая история помогает пролить свет на современные реалии, но она не дает прямых ответов или гарантированных алгоритмов решения проблем. Встречи Рейгана и Горбачева положили начало новой эпохе. Соглашения о контроле над вооружением помогли восстановить доверие между двумя странами, но невмешательство Советского Союза после политических революций 1989 года в ситуацию в Восточной Европе сыграло, пожалуй, более важную роль в прекращении холодной войны.

Конечно, вопрос о распространении ядерного оружия по-прежнему остается непростым. Он практически исчез из политической повестки дня в период получения «мирных дивидендов» по окончании холодной войны, а затем термин «ядерное оружие» стал частью сомнительного — в свете фиаско в Ираке — собирательного понятия «оружие массового уничтожения». Однако позже это понятие вновь обрело самостоятельность, о чем свидетельствуют споры вокруг иранской и корейской ядерных программ. Несмотря на то что США и Россия не находятся в состоянии полномасштабной холодной войны, они все еще не отвыкли от политики ядерного устрашения. Эта стратегия основана на теориях, разработанных «волшебниками Армагеддона» (как назвал Каплан создателей стратегий в 1940–1950-х гг.), десятилетиями выстраивавших аргументацию в защиту сохранения ядерных арсеналов².

¹ Thatcher M. *The Downing Street Years*. L. : Harper Collins, 1993.

² Kaplan F. *Wizards of Armageddon*. Palo Alto : Stanford University Press, 1983.

Таким образом, возвращение к дипломатии, основанной на встречах глав государств, может открыть новые возможности, но не является панацеей. Нельзя использовать ориентированные на прошлое проекты для установления временных тождеств. Существующее сегодня недоверие между США и Россией нельзя преодолеть при помощи простого «пробуждения» образцов прошлого. В связи с этим важно не формировать новые ложные представления: прежде всего следует отказаться от толкований, в которых может проследиться цель оживления устаревших понятий, относящихся к «супербиполярности», в современном мире, где гораздо больше полюсов влияния, чем во времена холодной войны. Любые попытки представить ситуацию таким образом возмутили бы других (старых и новых) влиятельных участников общемировых отношений, в том числе Китай. В одиночку России или США не под силу справиться с войной в Сирии, ставшей одним из самых показательных явлений нашего времени, необходимо участие других заинтересованных сторон на национальном и региональном уровнях, а ООН, как международная организация, должна взять на себя центральную роль в урегулировании конфликта.

При этом увеличение числа прямых контактов между руководителями США и России могло бы помочь в восстановлении доверия и, вероятно, формировании менее искаженного и предвзятого общественного мнения. Такое взаимодействие не обязательно привело бы к заключению еще одной «сделки», но стало бы препятствием на пути распространения антиамериканских и антироссийских настроений в правительственных структурах и СМИ. Страны могли бы проводить политику «мягкой силы» в целях реализации программ культурного и научного обмена и установления непосредственных контактов между людьми в качестве одного из способов упрочения диалога и взаимопонимания, как это делалось во второй половине 1980-х годов³.

Одна из причин, по которой в последние годы во внешней политике Российской Федерации прослеживается антизападный вектор, — создается впечатление, что России как великой державе не оказывают должного уважения и что ее международная политическая роль намеренно принижается. В свою очередь, мнение о том, что Россия проводит политику реваншизма, руководствуясь скорее принципами стратегической конкуренции, чем сотрудничества, повлияло на реакцию Запада, его внешнюю политику и политику безопасности. В накаляющейся атмосфере противостояния стороны начали вспоминать избитые фразы времен холодной войны (например, необходимость «вести переговоры с позиции силы»), вновь переводя отношения в плоскость соперничества.

Хотя война в Сирии подвергла отношения между двумя державами серьезным испытаниям, обе страны доказали, что могут работать вместе, если их интересы совпадают. Несмотря на введение санкций про-

³ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y. : Public Affairs, 2004 ; Gallarotti G. *The Power Curse: Influence and Illusion in World Politics*. Boulder : Lynne Rienner, 2010 ; Power in World Politics / eds. F. Berenkoetter, M. J. Williams. L. : Routledge, 2007.

тив России или призывы Запада бойкотировать такие мероприятия, как Олимпийские игры в Сочи, Москва не выражает намерений выйти из состава многосторонних структур, в рамках которых она регулярно взаимодействует с представителями западных стран¹. Выход России из межправительственного соглашения об утилизации плутония в прошлом году не обязательно свидетельствует о серьезном изменении политического курса. Кроме того, во время многосторонних встреч российские и американские политические лидеры обычно находят время для двусторонней беседы. Администрации Дональда Трампа будет не просто подготовить четкий проект национальной политики в отношении России из-за антироссийских настроений в правительстве США, Конгрессе и СМИ, а также из-за необходимости доказать свою лояльность союзам, заключенным Соединенными Штатами Америки десятилетия назад. Тем не менее у страны,

судя по всему, есть политическая воля и готовность к взаимодействию. Таким образом, имеются все основания для того, чтобы отказаться от узких бинарных противопоставлений при описании современных политических реалий, поскольку у государств существуют (пусть и неопределенные) перспективы для взаимодействия, пространство для маневра и потенциал для сотрудничества.

Довольно неожиданный феномен времен холодной войны, смягчивший отношения между двумя странами, — череда успешных встреч на высшем уровне в 1980-х годах — не может быть взят на вооружение как средство решения текущих проблем в российско-американских отношениях. Тем не менее подобные исторические инструменты предотвращения конфликтов сегодня так же актуальны, как и три десятилетия назад, поскольку способствуют движению вперед, а не застою или регрессу.

¹ *Lukyanov F. Putin's Foreign Policy: The Quest to Restore Russia's Rightful Place // Foreign Affairs. 2016. May/June. № 95. P. 30–37.*